экспериментов Герцена, презрительно назвав их искандеризмами (по литературному псевдониму Герцена). Между тем многое из того, что выделось консервативному Шевыреву в языке Герцена излишне смелым для второй половины 40-х гг. XIX в., затем вошло в широкий языковой оборот, например словосочетания: *непроходимо глупа; занимался бессистемно; рыхлые объятия; большая требовательность; на душе становилось широко, торжественно* и др.

Многие выражения из романа стали для середины XIX в. крылатыми. Например, А.А. Григорьев вполне органично и без специальных указаний и ссылок пишет в своей статье: «Из университетов наших выходили ... лица, *не дослуживающие четырнадцати лет и пяти месяцев до пряжки* (курсив наш. — Д. Р.), потому что идеалы их не мирятся с практикой...» [Григорьев 1967: 303]. Эти слова заимствованы из главы 7 первой части романа Герцена (только у Герцена — шесть месяцев). Имеется в виду саркастическое упоминание Герценом *пряжки* — чиновничьего отличительного знака за пятнадцать лет беспорочной службы.

Справедлива и точна следующая оценка творчества писателя: «Сколько у Герцена средств, приемов, чтобы поразить неожиданностью, задеть воображение и, задев,

повести читателя в глубь событий! На первый взгляд Герцен поражает блеском, на второй — глубиной» [Чуковская 1966: 161]. Сказанное может быть отнесено и к первому роману Герцена «Кто виноват?».

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая // Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. — М., 1988. — С. 582–626.

Герцен А.И. Кто виноват? // Герцен А.И. Собр. соч.: В 4 т. — М., 1988. — Т. 4.

Григорьев А.А. И.С. Тургенев и его деятельность // Григорьев А.А. Литературная критика. — М., 1967. — С. 240–367.

Лопатин В.В. Толковый словарь иноязычных слов. — М., 2008.

Путинцев В.А. Герцен-писатель. — М., 1952.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. — М.; Л., 1965.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М., 1999.

Чуковская Л.К. «Былое и думы» Герцена. — М., 1966.

«Преодоление чуждости чужого...»: функции интертекстуальных элементов в перволичном повествовании (На материале романа В. Каверина «Два капитана»)

Е.Ю. ГЕЙМБУХ
Москва

Статья посвящена одному из частных аспектов проблемы повествования в романе «Два капитана». Автор указывает на условность разделения «своей» и «чужой» речи в перволичном повествовании, рассматривает принципы и формы включения интертекстуальных ссылок в дискурс повествователя, отмечает нарушение семантики перволичного типа повествования.

Ключевые слова: *субъекты речи; речь «своя» и «чужая»; интертекст; тип повествования; кавычки; цитата.*

Роман «Два капитана», самое известное из произведений В. Каверина, имеет довольно сложную структуру. Произведение

состоит из двух книг, каждая — из пяти частей, плюс эпилог. При этом только в эпилоге повествование принадлежит автору, а в обеих книгах основными субъектами речи выступают сами герои — Саня Григорьев (в восьми частях) и Катя Татарина (в двух частях).

Геймбух Елена Юрьевна, доктор филол. наук, профессор МГПУ.
E-mail: gejmbuh@rambler.ru

С какой целью В. Каверин использует смену повествователей в повествовании от первого лица? Какая/чьа речь воспринимается как чужая? Как включается «чужая» для рассказчика речь в «свое» повествование? Какое место среди «чужой» речи занимают интертекстуальные элементы и каковы принципы их включения в «свой» текст?

Ответы на эти вопросы проливают свет на специфику повествовательной структуры романа и позволяют понять, как из повествования от первого лица, категориальными признаками которого являются субъективность и неполнота изображения при подчеркнутой достоверности происходящего, складывается ощущение объективности и полноты представления жизни [Атарова, Лескис 1976].

Неполнота восполняется не только за счет сюжетного движения, когда перед Санькой открываются новые горизонты жизни, истории, культуры, и не только благодаря стремлению капитана Татаринова открыть для России новые земли. Дело в том, что ощущение бесконечного разнообразия жизни складывается за счет разного рода «чужих» для основного субъекта речи слов, которые, как правило, выделяются в «своей» речи кавычками.

Вследствие того что основным субъектом повествования является герой, разграничение «своего» и «чужого» оказывается весьма условным. Другими словами, в качестве «своей» воспринимается речь повествующего субъекта (Саньки или Кати), а «чужой» представляются не только интертекстуальные включения или речь других персонажей, но и собственные высказывания, причем способы отчуждения своей речи и функции такого отчуждения в «Двух капитанах» весьма многообразны.

«Чужая» речь может включаться в «свою» как непосредственно, так и опосредованно, в виде пересказа. Основными формами непосредственной передачи являются специализированная конструкция прямой речи (в том числе и в диалогах), свободная прямая речь, развернутые или точечные цитаты (интертекстуальные и «внутренние») в кавычках и без кавычек. Пересказ осуществляется в косвенной речи, в специализированной конструкции придаточного изъяснительного. Наложением двух основных форм являются несобственно-прямая, несобственно-авторская речь, конструкции с репрезентируемой прямой речью [Светашова 2009].

Задачей данной статьи является рассмотрение актуализированной «инакости», когда отчуждение речи подчеркивается кавычками и нарушается инерция восприятия, или, по словам А. Зализняка, «разрушается стандартное семиотическое отношение, которое по умолчанию реализуется говорящим (пишущим)» [Зализняк 2007: 192].

Безусловно как чужая речь (и для рассказчиков, и для автора) воспринимаются интертекстуальные включения. Рассмотрим интертекст в одной из форм его проявления: отсылки к иному тексту, отделенные от «своего» кавычками.

Основная функция интертекста в романе — представление русской и мировой культуры вообще и литературы в частности как неотъемлемой части жизни героев. Круг чтения персонажей дан в первую очередь точечными цитатами — именами писателей, названием произведений, упоминанием литературных героев и т.п. Обратим внимание на то, что произведения литературы не просто упоминаются рассказчиком как маркер определенного уровня культуры человека и общества, но часто превращаются в лейтмотив повествования, знаменующая мировоззренческие позиции героев.

Способом характеристики героев у Каверина становится не только выбор круга чтения, но и проверка книжных знаний жизнью. В одних случаях упоминаются только названия произведений (например, Петькины книги «Юрий Милославский» и «Рассказы о действиях охотников в прежние войны»); в других — помимо заголовков приводятся многочисленные цитаты. Одной из таких книг оказывается «Письмовник». «Светские» советы «Письмовника» неприложимы к реальной жизни (хотя одной из глав Каверин дает название «Ответ с отказом» и про Кораблева Санька говорит, что тот получил «ответ с отказом»):

«Катя», — написал я и задумался. Как всегда в таких случаях, Петькин письмовник живо припомнился мне: «Встретя в вас, милостивая государыня, все добродетели той, которую я так долго оплакивал, почитаю своим долгом сделаться вашим супругом и дать нежную мать моим малюткам»¹.

При всей неуместности этих советов Санька постоянно вспоминает их, что

¹ Здесь и далее текст цит. по: Каверин В. Два капитана. — М., 2011.

подчеркивает оторванность наставлений от жизни, а также указывает путь, который прошел герой в своем духовном развитии.

Зависимость литературных вкусов от умственных запросов и душевных потребностей читателя демонстрирует «круг» чтения Гаера Кулия, состоящий из *одной и той же книги «Из дневника артура»*. Непонятно, действительно ли будущий отчим Саньки читал что-то из воспоминаний защитников Порт-Артура, но напечатанное на обложке стихотворение заставляет сомневаться в литературной ценности этого «шедевра»:

Ныне полный кавалер,
Защищая царя и отечество,
Шкуры своей не жалел,
Пять ран и две контузии получил,
Но хорошо и врага проучил.

Характерологическую функцию выполняет отсутствие в дальнейшем повествовании упоминаний об этой книге, что говорит об отношении Саньки как к отчиму, так и к самому произведению; ср. с письмами штурмана Климова и капитана Татарина из сумки утонувшего почтальона, которые постоянно читает тетя Даша и которые по содержанию, по форме выражения мыслей и чувств привлекают Саньку, на всю жизнь запомнившего их.

Условность разделения «своего» и «чужого» не в последнюю очередь связана со сложностью повествовательной и пространственно-временной структуры текста. Так, в первой главе о переживаниях ребенка рассказывает уже взрослый человек, который вспоминает Бальзака, чьи размышления напомнили ему когда-то именно этот момент детства:

Через много лет я прочитал у Бальзака, что «наблюдательность обостряется от страданий», и тотчас же вспомнил эти дни, когда обряжали, отвевали и хоронили мать.

Так впервые в романе возникает представление о неразделимости жизни и литературы, о зеркальности их отражений: жизнь подчеркивает справедливость «литературных» высказываний, а литература помогает понять и принять жизненные переживания. Другими словами, верность наблюдений Бальзака проверку жизнью, в отличие от «Письмовника», проходит.

Собственно приближение к чтению Саньки начинается (он научился читать) и завершается в детском доме, когда Санька был потрясен сказками о сестрице Аленушке и братце Иванушке, «Али-Баба

и сорок разбойников», когда сам прочел первое стихотворение («Ешь ананасы, рябчиков жуй...») и когда, как и Катя, стал воспринимать начитанность как признак образованного (т.е. закончившего школу) человека (*Григорьев — яркая индивидуальность, а Диккенса не читал*).

В дальнейшее повествование литература входит органично, как неотъемлемая часть духовной жизни героев — через упоминание прочитанных и еще не прочитанных книг, через цитаты из классиков мировой литературы (из современной литературы упоминается «Цемент» Гладкова, а в основном Санька и Катя читают классику: «Принцессу Турандот», «Анну Каренину», «Овода», «Дубровского», «Записки охотника», «Орлеанскую девственницу» и др.). (Обратим внимание на оценочность отношения героев к прочитанному: так, «скучные» «Записки охотника» Санька одолев только потому, что хотел проверить силу воли, а историю Овода он считает очень похожей на свою).

Отдельное место в круге чтения Саньки занимают книги покорителей Севера. Историю освоения северных земель раскрывает особого рода пласт интертекстуальных включений. Это, прежде всего, упоминание реальных книг и цитаты из реальных документов. Санька читает чудесную книгу Амундсена о Южном полюсе, «Гостеприимную Арктику» Стифансона, Нансена — «В стране льда и ночи», потом «Лоции Карского моря» и другие, читает и брошюру самого капитана. Она называлась: «Причины гибели экспедиции Грили». Настольной книгой Саньки становится «Столетие открытий». Многие книги представлены не только названием, но и цитатами, а иногда и указанием на то, какое место данное высказывание заняло в жизни героя:

«“Вперед” — называется его корабль. “Вперед”, — говорит он и действительно стремится вперед. Нансен об Амундсене». Это было моим девизом. Я мысленно пролетел на самолете за Скоттом, за Шеклтоном, за Робертом Пири;

...я вел нечто вроде дневника — запись некоторых мыслей и впечатлений. <...> ...на первой странице была цитата из Клаузевица: «Маленький прыжок легче сделать, чем большой. Однако, желая перепрыгнуть широкую канаву, мы не начнем с того, что половинным прыжком прыгнем на ее дно».

Исключительно важное место занимают в романе слова английского поэта А. Теннисона, которые становятся лейт-мотивом романа и девизом любимых героев В. Каверина. В самые сложные моменты жизни Санька вспоминает завершающуюся этими словами *кроватьную клятву дружбы*, а описание могилы И.Л. Татарина во высеченными на ней словами *Бороться и искать, найти и не сдаваться* связывает судьбы двух капитанов, разделенных во времени, но близких по духу верностью избранному девизу.

Интересно, что и для характеристики других персонажей Санька иногда использует литературные ассоциации: *Вот на кого он стал теперь похож — на Марка Твена!*; цитаты из Козьмы Пруткова воспринимаются как неотъемлемая часть образа доктора Ивана Ивановича с его всепобеждающим оптимизмом: *Если хочешь быть счастливым — будь им!*

К интертекстуальным включениям можно также отнести разного рода аллюзии на историческую эпоху. Так как не всегда при обращении к литературе прошлого можно достоверно судить о том, что для автора было, а что не было предметом внимания, мы будем говорить только о бесспорных случаях разрушения «стандартного семиотического отношения», подчеркнутых кавычками. Маркированные кавычками слова и выражения — отголоски эпохи — позволяют судить об историческом моменте, о своеобразии социальной (*трудовая повинность, трудовые отношения*) и бытовой (*буржуйка*) жизни описываемой эпохи, даже о специфике педагогических воззрений: *Кажется, это называлось тогда «комплексным методом».*

Отдельно отметим такой прием, как превращение чужой речи в свою, когда незнакомое становится знакомым и кавычки пропадают. Как правило, этот прием используется для характеристики взрослого героя, когда он только вступает в жизнь и еще многое остается для него «чужим», например:

Мы шли в *присутствие* и несли прошение. — *Присутствие* — это было темное здание за Базарной площадью, за высокой железной оградой;

...тебя Даша бегала за какой-то *подорожной*. — ...она [мать] лежала с венчиком на лбу, с *подорожной* в руке, — я и не знал, что так называется эта свернутая трубкой бумага.

Но иногда значение слова долго остается непонятым или понятым не до конца, как, например, слова *экспедиция* (...я узнал, что *экспедиция* — это не только грязное подвальное помещение под почтой, а дальнее плавание, капитаны, плавучие льды) или *воображать* (только через год или два я узнал, что *воображать* — это значит не только «задаваться»). Некоторые слова и выражения, употребленные в кавычках и относящиеся к книжной речи, объясняются самим Санькой с одновременным переводом в речь разговорную, например: *Что такое «делать предложение», я, разумеется, знал. Он хотел жениться на ней и пришел спросить, согласна она или не согласна.* Другими словами, граница между «своим» и «чужим» может быть маркирована принадлежностью к определенному стилю.

Как правило, Каверин строит свое повествование таким образом, чтобы «чужие» для героя (времени самого события или воспоминания о нем) слова указывали на то, что существующий вне и помимо героя (хотя и соприкасающийся с ним) мир живет по своим законам. Сами эти «миры» в романе исключительно многообразны. И то, в какие отношения с мирами становятся герои, является средством создания не только образа мира, но и образа человека в нем.

Некоторые миры были и остаются за бортом Санькиной жизни, например, быт грузчиков (*Один крикнул «дядю» — так назывался староста артели — и что-то сказал ему*), игроков в домино (*приходили играть в «козла»*), верующих людей (*«помолились во здравие»*), жизнь в приюте (*Вообще они были «арестанты», и мы с ними дрались, и вот теперь я стану «арестантом!»*) и др. Слова, которые могут быть непонятны читающему, Каверин поясняет. Интересно, что некоторые на первый взгляд обыденные слова и выражения приобретают значение профессионализма благодаря кавычкам (например, в рассказе вора о том, *«как работают в паре»*).

Само включение слов, маркирующих «чужие» миры, подчеркивает реальность их существования и расширяет границы повествования. Так в роман входят, например, ремесло Сковородникова (*Это ремесло — оно называлось «точить лясы» — он вывез с Волги, откуда был родом*), карточные термины (*«ошички», «козоты», или «бабки»*), профессионализмы звероводства (*Володя вернулся из «джунглей» — так, оказывается,*

назывался в совхозе отгороженный участок леса, где звери жили на свободе), экономические термины (какой-то «страховой полис»; Что такое «полис»? Не полис, это все знают, а именно «полис»? Что такое «дисконт»? Не дискант, а «дисконт») и др. (Интересно паронимически подчеркнутое противопоставление «чужому» «своего», в которое входят географическое *полюс* и музыкальное *дискант*).

Мы рассмотрели интертекстуальные элементы, указывающие на миры, с которыми только волею случая соприкоснулся Санька. Но уже избирательность отношения к ним характеризует героя: воровской жаргон и карточные термины остаются, так сказать, без употребления, а «лясы», по словам самого Саньки, определяют его судьбу и, как подчеркивает Катя, остаются с ним на всю жизнь.

Но и миры, частью которых становится Санька, тоже определяются словами в кавычках. По смене одних маркеров другими или по появлению новых, которые становятся лейтмотивами, можно судить об этапах жизненного пути героя, его взрослении и возмужании.

Так, еще в Энске Санька вместе с Петькой торговал папиросами от китайцев; в Москве лексикон обогащается словами из гимназического / школьного жаргона (*свинчатка*; *неуд*, *весьма удовлетворительно*, *вуд*); появляются слова, характеризующие борьбу детдомовцев за выживание в голодные годы (детдом перешел на *самоснабжение*; пропитание добывали, разбившись на *коммуны*). О взрослении и об активном включении в жизнь также свидетельствуют слова в кавычках, которые указывают на интерес к политической жизни страны (*Я знаю «текущий момент», «национальную политику», «международные вопросы»*). Знаковый для детдомовца момент — начало самостоятельной жизни — также отмечен «терминами» эпохи: *Детдомовцы после окончания школы получили «выходное пособие» — ложку, кружку, две пары белья и «все для первого ночлега*. Новая жизнь знаменует появление новых слов: Санька становится *учлетом*, хотя учиться ему приходится на технике «времен очаковских и покоренья Крыма»:

...при желании можно вообразить себя разведчиком на «хавеланде» или истребителем на «ньюпоре», летавшем в последний раз на

фронтах гражданской войны. Но на этих заслуженных «гробах» нельзя учиться; ...мы уже сидели за нашим «утилем».

Обратим внимание на то, что «цитаты из жизни» впервые получают яркую эмоциональную окраску: старые самолеты называются *гробами*, *утилем*.

Хотя свою жизнь Санька связывает с авиацией, собственно терминов в его речи немного, так как героя волнует не техническая сторона дела, а те возможности, которые дает самолет человеку. При этом для характеристики непредсказуемости жизни летчика Санька использует названия фигур высшего пилотажа:

...жизнь, которая шла одним путем, — скажем, по прямой, — вдруг делала крутой поворот, и начинались «бочки» и «иммельманы».

Обратим внимание, что, хотя здесь нет пояснений к терминам, их примерное значение выводится из общей структуры фразы: разного рода *крутые повороты*. Однако, если без пояснения термины понять невозможно, Каверин дает их краткое толкование (*Мы пошли «блинчиком», то есть с маленьким креном*). О специфике полетов в условиях севера говорится: *мы «куропачили», то есть сидели и ждали, когда же окончится эта пурга*.

Интересно, что Катя, описывая резкие изменения в жизни, повторяет фразу Саньки с некоторыми изменениями:

Саня как-то говорил, что всю жизнь бывало так: все хорошо — и вдруг крутой поворот, и начинаются «бочки» и «иммельманы». Но на этот раз можно было сказать, что машина вошла в штопор.

Противопоставление слов в кавычках и без них указывает на характер их включения в общенародный язык: то, что в кавычках, — было и остается термином, а выражение *войти в штопор* приобретает переносное значение — «оказаться на краю гибели». Таким образом, хотя профессионализмы летчиков Саньке и Кате, безусловно, хорошо известны, они все равно ставят их в кавычки — вероятно, с расчетом на читателя.

В некоторых случаях кавычки у общеизвестных терминов остаются, чтобы подчеркнуть характер детского восприятия:

Отец «зимовал». В Энске давно уже было лето, а он все еще «зимовал». Это было очень странно, но Катька ничего не спрашивала.

(Отметим, что это пример из 3-й части гл. 5 «Вот что она мне рассказала», в которой в Санькином повествовании органически сочетаются точка зрения Кати (*отец*) и комментарии Саньки (...но Катька...)).

Слова ограниченного употребления могут охватывать более или менее широкие сферы: так, термины высшего пилотажа известны всем летчикам; слова, характеризующие быт полярных летчиков – тем, кто летает на Севере. И профессионализмы других областей могут быть как общеизвестными (например, название географических координат: ...*географические слова «долгота, широта»; ...на всю жизнь поразила меня необыкновенными словами: «широта», «шхуна», «Фрам»; «стоматология»* как название отделения Военно-медицинской академии), так и представляющими весьма ограниченные сообщества. В последнем случае знание специфических нюансов «местного» словоупотребления свидетельствует о причастности говорящего к жизни такого сообщества. Таковы, к примеру, школьный сленг учебного заведения, в котором учился Санька: *тетя Варя, Усы* (прозвище Кораблева); обозначение помещений в квартире подруги Кати Кирен (*кухни, делившаяся на «кухню вообще» и «собственно кухню»*); «профессионально-учебный» жаргон учлетов (*жать на горизонт*) и т.п.

Особым слоем интертекстуальной лексики являются, на наш взгляд, фразеологизмы, возникшие в 20–30-е гг. XX в. и характеризующие время, когда споры педагогического, морально-этического планов легко могли переводиться в область политики, что было чревато вполне предсказуемыми последствиями. Такой способ борьбы с Кораблевым пытается использовать Николай Антонович, фрагменты речи которого Санька запомнил наизусть, интуитивно выбирая ключевые фрагменты: *мера и степень его воздействия на детей; долг лояльных советских граждан; вульгаризация идеи трудового воспитания; Эту крайнюю вредную затею он провел, чтобы захватить популярность; Он подлизался к советской власти; Мы должны выполнить наш лояльный долг.* Идиомы, превратившиеся в штампы, вполне могли превратиться в клеймо на человеке и перечеркнуть если не его жизнь, то многие и многие начинания (так и произошло с самим Санькой, в борьбе против которого Иван Антонович, судя по статье, гораздо более изощренно пользуется теми же методами).

Итак, мы рассмотрели некоторые виды интертекстуальных включений – в основном цитаты из художественных и нехудожественных произведений, а также многочисленные «идиомы времени» и «социальные» идиомы. Включенные в роман «чужие» высказывания углубляют историческую перспективу повествования, создают впечатление разнородной и сложной социальной жизни, благодаря чему приключенческий роман, не теряя занимательности, приобретает историческую достоверность и глубину.

Интертекстуальные включения выполняют в романе следующие основные функции: во-первых, подчеркивают «чуждость чужого», от которого происходит активное отторжение (если оно вторгается в «свое» пространство) или с которым возможно мирное (параллельное, непересекающееся) существование. Во-вторых, «чужое» может превращаться в «чисто свое», и тогда чужие слова, теряя кавычки, свидетельствуют об освоении героями нового слова – слоя жизни, или, что важнее, чужие слова (часто цитаты), не теряя кавычек, становятся способом выражения собственного мироощущения.

Так вследствие активности интертекстуальных включений в романе В.А. Каверина «Два капитана» нарушается семантика первоначального повествования (субъективность и неполнота изображения при подчеркнутой достоверности происходящего) и окружающая героев жизнь кажется полно и объективно представленной [Атарова, Лескис 1976].

ЛИТЕРАТУРА

Атарова К.Н., Лескис Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1976. – Т. 35. – № 4. – С. 343–357.

Зализняк А. Семантика кавычек // Труды Международной конференции «Диалог 2007». – М., 2007. – С. 188–193.

Каверин В.А. Два капитана. – М., 2011.

Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. – М., 1994.

Светашова Ю.А. Конструкция с репрезентируемой речью: структура, семантика, функционирование: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.